

ИСТОЧНИКИ

DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.011

ПРОФЕССОР А. Н. ГЕНКО И ЕГО ЛЕКЦИЯ ОБ ОСЕТИНАХ

Л. А. Чибиров

Профессор А. Н. Генко известен как крупнейший российский языковед, этнограф, специалист по истории и этнографии коренных народов Кавказа, как человек незаурядных способностей, позволивших ему свободно владеть почти тридцатью языками. В составе Всесоюзного центрального комитета нового алфавита при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР он создал алфавиты для бесписьменных языков Кавказа – цахурского, лезгинского, табасаранского, абхазского, рутульского, хиналугского. Генко стал и составителем словарей и грамматики. Ученого считают первым исследователем [абазин](#), [убыхов](#), [хыналугцев](#), [цахур](#). В статье сделан вывод о том, что лингвист столь высокого уровня использовал свои лингвистические познания и для углубленного исследования этнографии народов, языком которых овладел. Это подтверждается и фактами трудовой биографии ученого, которая сочетала деятельность в лингвистических и этнографических учреждениях: НИИ сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Петроградском университете, Институт восточных рукописей РАН, где в 30-е гг. Генко заведовал Кабинетом Кавказа, Яфетический институт, Кабинет Кавказа в Институте этнографии АН СССР. Лекции для студентов ЛГУ (Введение в курс этнографии Кавказа) А. Н. Генко позволяют считать его специалистом и по другим этносам Кавказа, в частности по осетинам. Цель статьи заключается в анализе лекции об осетинах, текст которой представлен в настоящей публикации, и приведенных им сведений по широкому кругу этнокультурных вопросов в остальных 19 лекциях курса. В статье анализируется содержащийся в лекциях материал об осетинах, отмечены достоинства и имеющиеся в них неточности. В целом публикуемая лекция позволяет оценить вклад Генко в осетиноведение и в изучение этногенеза, материальной и духовной культуры осетин.

Ключевые слова: А. Н. Генко, лекции, языки Кавказа, этнография, осетины.

Для цитирования: Чибиров Л. А. Профессор А. Н. Генко и его лекция об осетинах // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 48 (87). С. 163-179. DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.011

Имя Анатолия Несторовича Генко (1886-1941), выпускника классического отделения историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, хорошо известно в науке. Ученый широкого научного профиля особенное внимание уделял изучению языков, истории и культуры горских народов Кавказа и достиг существенных результатов.

Во-первых, он владел языками 30 (!) народов кавказской семьи языков (абхазским, адыгскими, нахскими, табасаранским, цахурским и другими). При этом ученый знал их настолько глубоко, что собирал на них материал в полевых этнографических исследованиях. Считая его ученым-новатором, Президент Академии наук Абхазии, академик З. Д. Джапуа пишет, что его новаторство выража-

лось «и в создании алфавитов, первых грамматик и словарей бесписьменных и младописьменных языков Кавказа, в установлении научных связей с учеными и учреждениями Кавказа, в подготовке молодых специалистов» [1, 194].

Кроме того, в изучении языков А.Н. Генко не ограничился северокавказскими. Он овладел азербайджанским, армянским, грузинским, арабским, турецким, древнегреческим и латынью, всеми современными европейскими языками. В этом исключительность Анатолия Несторовича – обладателя феноменальной памяти и способности к изучению языков.

Такую уникальную личность наука потеряла в возрасте 55 лет. Генко стал жертвой репрессий 1930-х годов. Его жизни, научной и образовательной деятельности посвящено немало исследований [1; 2; 3].

Занимаясь масштабно исследованием коренных народов Кавказа, ученый-энциклопедист А.Н. Генко не мог обделить вниманием проживающие на Кавказе другие народы – представителей индоевропейской и алтайско-тюркской языковых семей. В правильности этого предположения убедила находка выше цитированного известного абхазского ученого, З.Д. Джапуа. В Институте восточных рукописей РАН им обнаружена рукопись лекций «Введение в курс этнографии Кавказа», прочитанной Анатолием Несторовичем студентам филологического факультета Санкт-Петербургского университета, и осуществлено ее издание [4]. В этой связи слов искренней признательности заслуживает известный ученый-этнолог, доктор исторических наук, заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН Юрий Дмитриевич Анчабадзе, снабдивший издание прекрасным предисловием и научно-выверенными комментариями. Таким образом, спустя 85 лет уникальные лекции по этнографии народов Кавказа

выдающегося ученого-кавказоведа стали достоянием широкого круга специалистов и любителей кавказской старины. Поклон и уважение вам, дорогие коллеги, за такой щедрый подарок.

В чем ценность опубликованных лекции А.Н. Генко? В первую очередь в их принадлежности высокоавторитетному и талантливому ученому, кавказоведу широкого диапазона. Лекции прочитаны ученым, который многократно и довольно продолжительно работал в различных регионах Кавказа. Достаточно сказать, что с 1923 по 1936 г. Генко совершил 20 исследовательских поездок в Абхазию, Грузию, Адыгею, Кабарду, Ингушетию, Дагестан, Азербайджан и изучал культуру народов методом включенного наблюдения. Как справедливо подчеркивал сам Генко, «основой этнографического исследования должно быть, конечно, собственное наблюдение на месте. Если бы я никогда не бывал на Кавказе, не видел этих народов и не общался с ними, то я никогда бы не решился бы выступить в университете с чтением курса по этнографии Кавказа» [4, 421]. Тексты лекции не повреждены временем. Если бы профессор знал, что со временем они станут гласностью, возможно отредактировал бы некоторые места. За занавесом остались карты, иллюстрации, схемы, цитированные источники, которыми пользовался лектор в ходе изложения темы лекции.

Лекции Генко читаются на одном дыхании, они отражают огромную эрудицию лектора, являются итогом исследовательской и экспедиционной деятельности талантливого ученого в области кавказской этнографии. В них немало материала, которого нет в существующей литературе по Кавказу. Думается, они должны стать обязательной рекомендованной литературой для сдающих кандидатский минимум по этнографии народов Кавказа.

Начнем со структуры лекции. Первые две посвящены подробной географической характеристике Кавказа, последующие три (3-5) – обзору исторического прошлого Кавказа и каждого из населяющих его народов. В 6-7 лекциях ученый дает довольно четкую этнолингвистическую классификацию народов Кавказа. Затем следуют лекции по этнографии отдельных народов Кавказа, их культуре, верованиям, фольклору. В последних лекциях (19-20) Генко, обращаясь к слушателям – будущим этнографам, – констатирует, «что народов на Кавказе много, что они находятся на разных ступенях развития, что историческая судьба этих народов очень сложна, и что соответственно этому и факты, подлежащие изучению этнографа, тоже очень многообразны» [4, 409].

Генко представил нам через увеличительное стекло низкий уровень экономического и социально-культурного развития дореволюционного региона и сравнил с тем гигантским культурным ростом, который был достигнут за какие-то два десятилетия советской эпохи. Существенными стали успехи в деле повышения грамотности населения: письменность, школы, языковое строительство, ликвидация безграмотности. Как подчеркивал Анатолий Несторович, советская строй «перевернул жизнь кавказских народов в такой степени, в какой ни одна историческая эпоха ее не переворачивала» [4, 405]. И с этим трудно не согласиться. «Знание фактов этнографии, – говорил он на заключительной лекции, – позволяет нам увидеть весь процесс постепенного роста культуры человечества и оценить по настоящему те блага, которыми мы пользуемся. У нас бывает плохое настроение, но если мы поймем, какая колоссальная культура затрачена на то, чтобы научиться строить такие дома, с такими светлыми окнами, да еще с электрическим освещением,

то мы себя почувствуем себя Крезами (царь Лидии, одним из первых начал чеканить деньги. – Л. Ч.). Мы так счастливы, как никому во сне не снилось» [4, 409]. Так оценивал ученый-просвещенец грандиозные перемены в быте и культуре горцев Кавказа при новой социальной системе.

В предлагаемой публикации нам хочется познакомить читателя с взглядами выдающегося ученого об осетинах. Хотя осетины как этнос не входили в круг исследовательских интересов Анатолия Несторовича и он не совершал специальных экспедиций в Осетию, лекции свидетельствуют, как прекрасно ориентировался ученый во всех основополагающих вопросах этногенеза и этнической культуры осетин. Мы не увидели в лекциях об осетинах никакой предвзятости, отклонений от исторической истины – только объективное изложение.

Разумеется, в рамках одной лекции нельзя охватить необъятное, поднять и осветить все узловые вопросы этнографии народа, тем более осетин, культуру и быт которых Генко считал наиболее изученными в сравнении с другими народами Кавказа. Несомненно, вопросы этнографии осетин изложены в лекции исторически достоверно и объективно. Хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые недочеты и неточности, имеющиеся в лекции.

Исследователь называет жилой башней только *галуан*, в то время как существовал и другой вид жилой башни, дом-крепость *гагнах*. В описании горного осетинского селения он указывает, что количество башен равняется, как правило, количеству селений [4, 301], что не соответствует действительности. Известно, что башни строили состоятельные роды, большие фамилии (*стыр мыггагтае*), а в некоторых селениях проживало несколько таких фамилий. Всего один пример. Во второй половине XVIII в. поездку

по горной Осетии совершил грузинский ученый-географ Вахушти Багратиони. Описывая наиболее значительные населенные пункты, он отмечает: «Цимити – село большое и башенное, Кобан (у Вахушти *Хъабани*) – село большое и башенное... Какадури село большое, прекрасное, башенное и крепость на подошве горы-скалы» [5, 144).

Неполно представлен в лекции пантеон осетин: отсутствуют популярнейшие святые Уастырджи, Курдалагон, Сафа, Донбеттыр и другие небожители. Генко говорит о германской «теории» происхождения осетин и правильно ее критикует. Но к концу 30-х годов XX в. были предложены и другие «теории» этногенеза осетин, о которых следовало хотя бы упомянуть. Не разделяем и следующее утверждение Генко: «Осетины относятся к иранцам, имейте в виду, что это касается только языка» [4, 296]. В течение двух тысяч лет совместной жизни осетины многое переняли от соседей, о чем говорит Анатолий Несторович и студентам: «Осетины в отношении бытовом, в отношении материальной культуры, внешнего быта, целого ряда общественных учреждений проявляют черты сходства и ближайшей связи со своими соседями» [4, 293]. При этом лектор правильно подчеркивает, что этих общих явлений в культуре народов Кавказа множество. В традиционной социальной культуре это аталычество, гостеприимство, кровная месть, семейный уклад, этикетные нормы (уважение к старшим и др.), отголоски тесной связи с материнским родом (роль дяди по матери) и многое другое; в культуре жизнеобеспечения – национальный костюм, праздник первой борозды, террасное земледелие, очаг и надочажная цепь как символы единства семьи; в духовной культуре – общие фольклорные сюжеты (прообразы Прометея), общекавказский культ охоты (Афсати), культ коня, его посвящение покойному. Пребы-

вая продолжительное время на смежной территории, народы контактировали, шли процессы культурного взаимовлияния. Отзвуки их в осетинском быту отмечаются до сих пор – андийская бурка, дагестанская лезгинка, кабардинский танец *кагсон кафт* и многое другое.

Вместе с тем ошибочно думать, что кроме языка у осетин ничего от иранского прошлого не сохранилось. Да и сам Генко, противореча себе, писал: «Осетины интересны с точки зрения этнографической, главным образом вследствие богатейших переживаний языческого культа. Пожалуй, ни у одного кавказского народа, кроме абхазцев, не сохранилось такого огромного количества переживаний древних языческих воззрений, как у осетин» [4,301]. Но эти «переживания языческого культа» – сплошь и рядом иранские, индоевропейские.

А.Н. Генко считал осетин крупным народом на Кавказе (уступали они в численности лишь чеченцам и ингушам). В этом отношении сегодня демографическая картина выглядит иначе. Вместе с тем, ученый делает любопытный вывод: «Территория, занимаемая осетинами в историческую эпоху, все больше и больше сокращается» [4, 300].

Нуждается в уточнении и утверждение Генко, будто конские ристалища осетин заканчиваются закланием коней, принесением их в жертву покойникам. Широко известный обычай заклания коней в память покойнику бытовал у этногенетических предков осетин – скифов. Конину употребляли в пищу и в аланское время. Об этом писал путешественник Г. де Рубрук побывавший в XIII в. в Алании [6, 18]. Обряд посвящения коня покойному осетины проводили вплоть до недавнего прошлого, сохраняя традицию, подробно описанную в литературе [7] и также допуская инновации, которые подчеркивали святость этого действия. Однако в новое время, во всяком случае с XIX

в., ни один случай заклания коня и употребления конины осетинами не зафиксирован ни в письменных источниках, ни полевым материалом. Конь не был жертвенным животным у осетин, но был единственным объектом посвящения покойному [8,181]; на его заклание и употребление в пищу было наложено табу.

В целом лекция, прочитанная А. Н. Генко об осетинах, их языке, истории, традициях, обрядах, академически выдержана, оставляет хорошее впечатление. При этом, не предъявляя претензий лектору, укажем на отсутствие в лекциях сведений о некоторых важнейших явлениях материальной и духовной культуры осетин, без которых этнокультурный облик народа оказывается не вполне соответствующим реальности. В лекциях упоминаются лишь нартовские сказания черкесов, и то по брошюре А. Н. Дьячкова-Тарасова «Абаздехи». Между тем к 40-м годам XX в. осетинские нартовские сказания были наиболее распространенной версией эпоса, ибо были опубликованы и в переводе на русский язык в «Сборнике сведений о кавказских горцах», «Осетинских этюдах» В. Ф. Миллера, в первых двух книгах «Памятников народного творчества осетин». Потому лекция бы выиграла, если бы студенты услышали об этой жемчужине народного творчества осетин.

Однако материалы об осетинах во «Введении в курс этнографии Кавказа» не исчерпываются одной лекцией: во вводных лекциях содержатся представляющие интерес сведения об истории народов Кавказа и их языковой классификации; дается интересная информация и в других лекциях – в основном в качестве сопоставительного материала.

Ученый хорошо ориентируется в сложной проблеме этногенеза осетин, возводя его к этногенетическим предкам – скифам. О скифском языке Генко пишет: «Мы, правда, скифского языка

в подробностях не знаем, но есть некоторые данные, которые позволяют судить об этом языке. Этот язык иранский по своему типу, близкий к осетинскому, из языков Кавказа» [4, 31]. А автор комментариев Ю. Д. Анчабадзе дополняет мысль ученого: «Скифский язык принадлежит к восточной подгруппе иранской группы индоевропейской языковой семьи» [4, 41].

Генко говорит о первом упоминании алан на Кавказе: «Эпоха появления на Кавказе народа, потомками которого являются осетины, народа, который тогда назывался аланами, определяется примерно I в. н.э. Примерно 1900 лет тому назад аланы с северо-востока, с Арало-Каспийской низменности проникли на Северный Кавказ». Дополняя лектора, отметим: одновременно аланы проникли и на юг России, в низовья Дона. Как правильно отмечает Генко, аланы наводнили собой северокавказские степи, продвинулись до гор, проникли через горные проходы в Закавказье, где совершали грабительские налеты. Он пишет: «Нам известны из истории отдельные стычки, которые имели место между аланами и населением Закавказья, в частности, армянами». В действительности на территорию Армении аланы совершали походы в 35, 72 и 133 годах. Дополним лектора – со II по V в. аланы совершали походы и на территорию Грузии [8, 35, 36]. Подытоживая свои мысли, Генко пишет: «Итак, давность пребывания алан на Кавказе, впоследствии переименованных в осетин (осетины – грузинское название, сами осетины так себя не называют), исчисляется с I в. н.э.».

По А. Н. Генко, аланы – какой-то специфический кавказский народ. И объясняет их специфичность: «Будучи иммигрантами, вселенцами, они до такой степени прочно ассимилировались, поглотив ряд местных элементов, подчинив их своей иранской стихии, они до того

прочно обосновались в горах и предгорьях, что находятся в промежуточном положении между собственно кавказскими народами и народами, только случайно в данный момент присутствующими на Кавказе». Ученый прав. Сотни лет совместной жизни при теснейших этнокультурных взаимоотношениях не позволяют назвать алан-осетин чужаками на Кавказе. К тому же осетин вне Кавказа нет, и это дает дополнительное основание считать их специфическим кавказским народом [4, 148].

Споры о том, являются ли осетины народом кавказским или пришлым, продолжают и ныне, в то время как четкий и внятный ответ на вопрос Анатолием Несторовичем был дан 83 года назад: «Осетины живут на Кавказе почти две тысячи лет. Они так должны были сродниться с Кавказом, кавказские условия так должны были отразиться на их национальном и культурном облике, что их тоже приходится считать кавказцами в известном смысле. Так оно и есть. Давность пребывания предков осетин на Кавказе столь значительна, что они в значительной мере могут быть относимы к кавказским народам» [4, 95]. Ученый правильно считает их переселенцами из Средней Азии, и называет самых близких к ним по языку – ягнобцев, проживающих на территории Узбекистана [4, 95].

Говоря о русско-аланских взаимоотношениях, Генко пишет о ключнике суздальского князя Андрея Боголюбского ясе Амбал. Русские князья часто брали себе в жены ясынь, т.е. женщин-осетинок. Генко верно определяет территорию расселения аланских племен в раннее средневековье, подчеркивает, что связи алан с русскими князьями имели место не с современными осетинами-горцами, а с равнинными и плоскостными ясами, «которые жили далеко в степи, на Нижнем Дону. До татаро-монгольского на-

шествия там были яские города и оттуда-то происходили эти элементы, – говорит ученый [4,107].

О дальнейшей трагической судьбе алан и их государственности на Северном Кавказе Генко прямо не пишет, но говоря о территории, занимаемой карачаевцами и балкарцами, он указывает: «В тех местах, где они сейчас живут, население существовало искони» [4,97]. Под этими местами подразумевалась территория Западной Алании, опустошенная в ходе войны с татаро-монголами и занятая предками карачаевцев и балкарцев [9, 156-157].

В лекции, посвященной классификации народов Кавказа, Генко сообщает студентам подробности о представителях иранских народов. Вслед за краткой характеристикой курдов, талышей и татов он пишет: «Из других народов иранской группы, имеющихся на Кавказе, следует назвать еще один народ, очень известный, именно осетин, которые сами себя называют иронами». Ученый говорит о группах осетин: ироны (иронцы), дигорцы и туалыцы с указанием мест расселения. Говоря о дигорцах, пишет, что дигорский язык так сильно отличается от осетинского, что в первые годы советской власти они имели свою письменность и свои школы; потом от этого отказались. Неправ Генко, считая туалыцами одних южных осетин. К туалыцам относятся и жители Наро-Мамисонской котловины Северной Осетии (*сау туалта* – «черные твалыцы» в отличие от *урстуалта* «белые твалыцы», т.е. южане). Их язык ученый правильно считает более близким к иронскому, чем к дигорскому диалекту [4, 146-147]. Позиция ученого о языке осетин в принципе правильная, но нуждается в конкретизации вопрос о диалектах и говорах осетинского языка. Лектор сообщает студентам и численность осетин по переписи 1939 года – 350 тысяч.

Анатолий Несторович многократно подчеркивал, что осетины представляют очень большой интерес с точки зрения этнографической. У них сохранилось до последнего времени много таких бытовых черт, которые выделяют их среди всех народов Кавказа [4, 148].

По его мнению, ученые интересовались не только народом, но и языком, посредством которого можно проникнуть в различные стороны жизни данного народа и познакомиться со всеми сторонами его быта. «Именно благодаря этому, – пишет ученый, – этнографическое изучение осетин, сравнительно с другими народами Кавказа, стоит на довольно большой высоте» [4, 411]. Разумеется, язык был важнейшим фактором, привлечшим

внимание путешественников и ученых к осетинскому этносу, но посещавших Кавказ ученых и путешественников интересовал и сам факт: что за народ, каким чудом он оказался в глубине Центрального Кавказа? Этим любопытством были вызваны к жизни многие «теории» происхождения осетинского народа: угро-финская, полонецкая, германская, семитская и др.

Нет сомнений в том, что лекции А. Н. Генко являются большим вкладом в историографию истории и культуры народов Кавказа.

Представляем полный текст лекции кавказоведа А. Н. Генко, посвященной осетинам [4, 293-309]. Прочитана 3 декабря 1940 года.